

Александр Островский

**За чем пойдешь, то и
найдешь**

Александр Николаевич Островский
За чем пойдешь, то и найдешь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21118582

Содержание

Александр Николаевич Островский	5
КАРТИНА ПЕРВАЯ	6
ЛИЦА:	6
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	7
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ	10
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ	15
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	20
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ	23
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ	27
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ	29
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ	31
ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ	32
КАРТИНА ВТОРАЯ	34
ЛИЦА:	34
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	35
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ	39
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ	42
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	44
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ	48
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ	52
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ	53
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ	56
КАРТИНА ТРЕТЬЯ	59

ЛИЦА:	59
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	60
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ	61
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ	64
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	71
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ	72
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ	74
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ	75
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ	78
ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ	82

**Александр Николаевич
Островский
За чем пойдешь, то и найдешь**

(Женитьба Бальзамина)

Картины московской жизни

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

Павла Петровна Бальзамина , вдова.

Михайло Дмитрия Бальзамино , сын ее.

Акулина Гавриловна Красавина , сваха.

Матрена , кухарка.

Лукьян Лукьяныч Чебаков , офицер в отставке. Очень приличный господин средних лет, с усами, лысоват, сюртук застегнут на все пуговицы. Выражение лица насмешливо.

Бедная комната у Бальзаминовых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзамина (пьет чай) и *Матрена* (стоит у двери).

Бальзамина. Хорошо теперь, Матрена, чайку-то, после бани-то!

Матрена. Уж это на что лучше! По всем жилкам, по всем суставам пройдет.

Бальзамина. А где же Миша? Что-то не видать его.

Матрена. Спит, умаялся.

Бальзамина. Ну, пускай спит.

Матрена. Что ж! пушай спит. Никакие важных дел за ним нет; остановки не будет. А я соследила, куда он ходит.

Бальзамина. Куда же?

Матрена. Тут близехонько. Только он не прямо ходит, а круг большой делает, чтобы соседям виду не показать. Таково далеко уйдет, да потом и воротится переулками: глаза отводит.

Бальзамина. Да будет ли толк-то какой-нибудь?

Матрена. Кто ж его знает? Уж это его дело. Надо полагать, что и тут ничего себе не выиграет.

Бальзамина. Отчего же ты так, Матрена, думаешь?

Матрена. Мало виду из себя имеет, польститься-то не на что! Ну и чином еще не вышел.

Бальзамина (*встает*). Пей, Матрена, чай-то! А я пойду посмотрю, Миша не проснулся ли. (*Уходит*).

Матрена садится к столу и пьет. Бальзаминава возвращается.

Матрена встает.

Сиди!

Матрена садится, только оборотившись к Бальзаминовой задом.

Спит еще. (*Садится*). А как их по фамилии-то, где он ходит?

Матрена (*оборотив голову*). Пеженовых.

Бальзаминава. Кто ж они такие?

Матрена. Сами по себе.

Бальзаминава. Как же таки сами по себе?

Матрена. По своей части.

Бальзаминава. Экая ты бестолковая. Что же они, служащие или купцы?

Матрена. Должно, торгуют.

Бальзаминава. Кто ж у них из женского-то полу?

Матрена. Две сестры – обе девки, уж в годах. Только выходу им никакого нет; сидят наверху у себя взаперти, все одно под замком.

Бальзаминава. Отчего же?

Матрена. Такой приказ от братьев.

Бальзаминава. Зачем же такой приказ?

Матрена (*дуя в блюдечко и оборачиваясь*). Потому страм.

Бальзаминава. Какой же страм?

Матрена. Очень на мужчин бесстыжи. Такие, говорят,

завистливые, что беда. (*Накрывает чашку*). Покорно благодарствуйте! (*Встает и уносит самовар*).

Бальзаминава. Говорят: за чем пойдешь, то и найдешь! Видно, не всегда так бывает. Вот Миша ходит-ходит, а все не находит ничего. Другой бы бросил давно, а мой все не унижается. Да коли правду сказать, так Миша очень справедливо рассуждает: «Ведь мне, говорит, убытку нет, что я хожу, а прибыль может быть большая; следовательно, я должен ходить. Ходить понапрасну, говорит, скучно, а бедность-то еще скучней». Что правда то правда. Нечего с ним и спорить.

Шум за сценой.

Что там у вас?

Входит Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзамина и Бальзамина.

Бальзамино. Что же это такое, маменька! Помилуйте!

На самом интересном месте...

Бальзамина. Что такое?

Бальзамино. Да Матрена меня разбудила на самом интересном месте. И очень нужно ей было там чашки убирать.

Бальзамина. Разве ты что-нибудь во сне видел?

Бальзамино. Да помилуйте! на самом интересном месте! Вдруг вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстречу мне идет дама красоты необыкновенной и говорит: «Господин Бальзамино, я вас люблю и обожаю!» Тут, как на смех, Матрена меня и разбудила. Как обидно! Что бы ей хоть немного погодить? Уж очень мне интересно, что бы у нас дальше-то было. Вы не поверите, маменька, как мне хочется доглядеть этот сон. Разве уснуть опять? Пойду, усну. Да ведь, пожалуй, не приснится.

Бальзамина. Разумеется, не приснится.

Бальзамино. Экая досада! Мне бы теперь, по моим делам, очень нужно такой сон видеть; может быть, он мне что-нибудь и напроорочил бы. Что, маменька, меня никто не спрашивал?

Бальзамина. Это что еще за новости! Кому тебя спрашивать?

Бальзаминов. Я, маменька, новое знакомство завел. Лукьян Лукьяныч Чебаков, отличнейший человек. Он капитан в отставке.

Бальзаминова. К чему это?

Бальзаминов. Как к чему? Что вы говорите! Вы знаете, маменька, какая у нас сторона! Я уж теперь далеко не хожу, а хожу тут поблизости.

Бальзаминова. Так что же?

Бальзаминов. Как что же? Какое необразование свирепствует в нашей стороне, страсть! Обращения не понимают, человечества нет никакого! Пройду по рынку мимо лавок лишний раз – сейчас тебе прозвище дадут, кличку какую-нибудь. Почти у всяких ворот кучера сидят, толстые, как мясники какие, только и дела что собак глядят да играют с ними; а собаки-то, маменька, как львы. Ведь по нашему делу иногда нужно раз десять мимо окон-то пройти, чтобы заметили тебя, а они разве дадут? Сейчас засвищут, да и давай собаками травить.

Бальзаминова. Как же это можно живого человека собаками травить?

Бальзаминов. Как можно? Что вы, маменька! Разве они знают учтивость? Ему бы только хохотать, дураку, благо горло широко, а там хоть человека до смерти загрызи, ему все равно.

Бальзаминова. Какое необразование!

Бальзаминов. Меня раза три травили. Во-первых, пере-

пугают до смерти, да еще бежишь с версту, духу потом не переведешь. Да и страм! какой страм-то, маменька! Ты тут ухаживаешь, стараешься понравиться – и вдруг видят тебя из окна, что ты летишь во все лопатки. Что за вид, со стороны-то посмотреть! Невежество в высшей степени... что уж тут! А вот теперь, как мы с Лукьян Лукьянычем вместе ходим, так меня никто не смеет тронуть. А знаете, маменька, что я задумал?

Бальзаминава. А что?

Бальзаминов. Я хочу в военную службу поступить.

Бальзаминава. Да ты проснулся ли совсем-то, или еще все бредишь?

Бальзаминов. Нет, позвольте, маменька: это дело рассудить надо.

Бальзаминава. Да что тут рассуждать-то! Много ли ты лет до офицерства-то прослужишь?

Бальзаминов. Сколько бы я ни прослужил: ведь у меня так же время-то идет, зато офицер. А теперь что я? Чин у меня маленький, притом же я человек робкий, живем мы в стороне необразованной, шутки здесь всё такие неприличные, да и насмешки... А вы только представьте, маменька: вдруг я офицер, иду по улице смело; уж тогда смело буду ходить; вдруг вижу – сидит барышня у окна, я поправляю усы...

Бальзаминава. Все вздор какой говоришь! А чем жить-то мы будем, пока ты в офицеры-то произойдешь?

Бальзаминов. Ах, боже мой! Я и забыл про это, совсем

из головы вон! Вот видите, маменька, какой я несчастный человек! Уж от военной службы для меня видимая польза, а поступить нельзя. Другому можно, а мне нельзя. Я вам, маменька, говорил, что я самый несчастный человек в мире: вот так оно и есть. В каком я месяце, маменька, родился?

Бальзамина. В мае.

Бальзамино. Ну, вот всю жизнь и маяться. Потому, маменька, вы рассудите сами, в нашем деле без счастья ничего не сделаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вот уж правду-то русская пословица говорит: «Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив». А все-таки я, маменька, не унываю. Этот сон... хоть я его и не весь видел, – черт возьми эту Матрену! – а все-таки я от него могу ожидать много пользы для себя. Этот сон, если рассудить, маменька, много значит, ох как много!

Бальзамина. Да ты помнишь ли в лицо ту даму, которую видел во сне-то?

Бальзамино. Помню, маменька; как сейчас гляжу: лицо такое, знаете, снисходительное...

Бальзамина. Это хорошо.

Бальзамино. Это, маменька, для нас первое дело. У кого в лице строгость, я ведь с тем человеком разговаривать не могу, маменька.

Бальзамина. Да и я не люблю.

Бальзамино. Другой на тебя смотрит – точно допрос тебе делает. Ну, что ж тут хорошего! Конечно, если строго

разобрать, так мы имеем недостатки в себе, в образовании, ну и в платье тоже. Когда на тебя смотрят строго, что ж тут делать? Конфузиться да обдергиваться.

Бальзаминава. Разумеется. А вот ты коли ждешь кого, так оделся бы пошел; что в халате-то сидишь!

Бальзаминов. Да, маменька, я сейчас оденусь. Лукьян Лукьяныч ведь человек светский; какие у него трубки, с какими янтарями, маменька! (*Уходит*).

Бальзаминова. Какой странный сон! Уж очень прямо; так что-то даже неловко: «Я вас люблю и обожаю»... Хорошо, как так и наяву выдет, а то ведь сны-то больше всё наоборот выходят. Если бы она ему сказала: «Господин Бальзаминов, я вас не люблю и вашего знакомства не желаю», — это было бы гораздо лучше.

Красавина входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бальзамина и *Красавина*.

Красавина. С повинной, матушка! Не вели казнить, вели речь говорить.

Бальзамина. Есть же люди на свете, которые стыда не имеют!

Красавина. Есть, матушка, есть всякого народа.

Бальзамина. Конечно, мы люди бедные, маленькие, но, однако же, ведь надобно, Гавриловна, немножко и со-
весть знать.

Красавина. Нешто я, матушка, не понимаю? У меня со-
весть-то чище золота, одно слово – хрусталь, да что ж ты
прикажешь делать, коли такие оказии выходят? Ты рассуди,
какая мне радость, что всякое дело все врозь да врозь. Пер-
вое дело – хлопоты даром пропадают, а второе дело – всему
нашему званию мараль. А просто сказать: «Знать, не судь-
ба!» Вот и все тут. Ну да уж я вам за всю свою провинность
теперь заслужу.

Бальзамина. Ну, признаться сказать, я от тебя, кроме
насмешки, ничего ожидать не могу.

Красавина. Не такая душа у меня. Ежели я против кого
виновата, так уж я пополам разорвусь, а за свою вину вдвое
заслужу. Вот у меня какая душа! Хоша оно в нынешнем свете
с такой добродетелью жить трудно, милая...

Бальзамина . Ты лучше, Гавриловна, и не говори! я тебе в этом верить не могу. Мы люди бедные, какой тебе интерес?

Красавина . А не веришь, так я тебе вот что скажу: хороший-то который жених, ловкий, и без свахи невесту найдет, а хоть и со свахой, так с него много не возьмешь; ну а твой-то плох: ему без меня этого дела не состряпать; значит, я с него возьму, что мне захочется. Знаешь русскую пословицу: «У всякого плута свой расчет»? Без расчета тоже в нынешнем свете жить нельзя.

Бальзамина . Ты не взыщи, Гавриловна, что я тебя так приняла. Мне обидно, что моим сыном, как дураком, помыкают.

Красавина . Ничего, матушка; брань на ворота не виснет. Нам не привыкать стать к брани-то: наше звание такое. А сынка твоего мы обеспечим, ты не беспокойся.

Бальзамина . Чайку не хочешь ли?

Красавина . Ну, его! И без него жарко. Что такое чай? Вода! А вода, ведь она вред делает, мельницы ломает. Уж ты меня лучше ужо как следует попотчуй, я к тебе вечером зайду. А теперь вот что я тебе скажу. Такая у меня на примете есть краля, что, признаться сказать, согрешила – подумала про твоего сына, что, мол, не жирно ли ему это будет?

Бальзамина . Кто ж такая?

Красавина . Ну, об этом речь впереди. Вот, видишь ты, дело какого роду: она вдова и с большим капиталом, от этого

самого и скучает.

Бальзаминава. Скажите, пожалуйста!

Красавина. Так точно. И как, матушка моя, овдовела, так никуда не выезжает, все и сидит дома. Ну, а дома что ж делать? известно – покушает да почитать ляжет. Богатая женщина, что ж ей делать-то больше!

Бальзаминава. Отчего же это она при таком капитале никуда не ездит и знакомства не имеет?

Красавина. Ленива. Уж сколько раз я ей говорила: «Что, мол, ты никуда не съездишь али к себе гостей не позовешь?» В гости ехать, говорит, одеваться надобно; а приедешь – разговаривать нужно.

Бальзаминава. Разве она и разговаривать не любит?

Красавина. Как не любить! Только чтобы не торопясь, с прохладой. Ну, таким-то родом, сударыня ты моя, от этой-то жизни стала она толстеть и тоску чувствовать. И даже так, я тебе скажу, тяжесть такая на нее напала, вроде как болезнь. Ну, сейчас с докторами советоваться. Я была при одном докторе. Вот доктор ей и говорит: «Вам, говорит, лекарства никакого не нужно; только чтоб, говорит, развлечения и беспременно, чтоб замуж шли».

Бальзаминава. А она что ж?

Красавина. Она ему сейчас в руку три целковых бумажку. Порядок этот знает.

Бальзаминава. Нет, я не про то! Я насчет того, что замуж-то идти?

Красавина. «Я, говорит, замуж не прочь; только где его найдешь, дома-то сидя?» – «А я-то, говорю, на что?» – «Ну, говорит, хлопочи!» Так вот какие дела и какие оказии бывают.

Бальзамина. Ну, а как насчет состояния?

Красавина. Сверх границ. Одних только денег и билетов мы две считали-считали, счесть не могли, так и бросили. Да я так думаю, что не то что нам, бабам, а и мужчинам, если двух хороших взять, и то не счесть!

Бальзамина. Как же это не счесть?

Красавина. Так вот и не счесть. Посчитают-посчитают, да и бросят. Ты думаешь, считать-то легко? Это, матушка, всем вам кажется, у кого денег нет. А поди-ка попробуй! Нет, матушка, счет мудреное дело. И чиновники-то, которые при этом приставлены, и те, кто до сколько умеет, до столько и считает: потому у них и чины разные. Твой Михайло до сколько умеет?

Бальзамина. Да я думаю, сколько ни дай, всё сочтет.

Красавина. Ну, где ему! Тысяч до десяти сочтет, а больше не сумеет. А то вот еще какие оказии бывают, ты знаешь ли? Что-то строили, уж я не припомню, так артитехторы считали, считали, цифирю не хватило.

Бальзамина. Может ли это быть?

Красавина. Верно тебе говорю. Так что же придумали: до которых пор сочтут, это запишут, да опять цифирь-то сначала и оборотят. Вот как! Так что ж тут мудреного, что мы

денег не сочли? Ну, деньги деньгами – это само по себе, а еще дом.

Бальзаминава. Большой?

Красавина. А вот какой: заведи тебя в середку, да оставь одну, так ты и заблудишься, все равно что в лесу, и выходу не найдешь, хоть караул кричи. Я один раз кричала. Мало тебе этого, так у нас еще лавки есть.

Бальзаминава. Ты уж что-то много насказала! Я боюсь, понравится ли мой Миша такой невесте-то.

Красавина. Это уж его дело. Да что это его не видать?

Бальзаминава. Не знаю, он дома был. Миша!

Бальзаминов входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота ты моя писаная, разрисованная! Всё ли ты здоров? А у нас все здоровы: быки и коровы, столбы и заборы.

Бальзаминов. Я еще и говорить-то с тобой не хочу. Вот что!

Бальзаминова. Нет, Миша, ты с ней не должен таким манером обращаться; ты еще не знаешь, какую она пользу может тебе сделать.

Красавина. Не тронь его, пушай! Что это ты такой гордый стал? Аль нашел на дороге сумму какую значительную?

Бальзаминов. Она-то пользу сделает? Что вы, маменька, ей верите? Она все обманывает.

Красавина. Я обманываю? Значит, ты души моей не знаешь. Ты слыхал ли когда песню:

Никто души моей не знает
И чувств моих не могут описать.

Бальзаминов. За что она меня, маменька, обманывает? Что я ей сделал? Она сваха – она и должна сватать, а не обманывать.

Красавина. А ты ищи себе под пару, так тебя никто и не

будет обманывать; а то ты всё не под масть выбираешь-то. Глаза-то у тебя больно завистливы.

Бальзаминов. А тебе какое дело? Да и совсем не от зависти я хочу жениться на богатой, а оттого что у меня благородные чувства. Разве можно с облагороженными понятиями в бедности жить? А коли я не могу никакими средствами достать себе денег, значит я должен жениться на богатой. *(Садится)*. Ах, маменька, какая это обида, что все на свете так нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бедный – на бедной. Есть ли в этом какая справедливость? Одно только притеснение для бедных людей. Если б я был царь, я бы издал такой закон, чтоб богатый женился на бедной, а бедный – на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь.

Красавина. Ну вот когда такой закон от тебя выдет, тогда мы и будем жить по-твоему; а до тех пор, уж ты не взыщи, все будет по старому русскому заведению: «По Сеньке шапка, по Еремке кафтан». А то вот тебе еще другая пословица: «Видит собака молоко, да рыло коротко».

Бальзаминов. Вот видите, маменька, вот она опять все на смех. Зачем она пришла? Кто ее просил?

Красавина. Мне ведь как хотите! Я из-за своего добра кланяться не стану. Какая мне оказия?

Бальзамина. Что это ты, Гавриловна? Ты видишь, он не в своем уме. Как тебе, Миша, не стыдно!

Красавина. Что ж он важность-то на себя напустил? На-

вязывать ему, что ли? Уж это много чести будет! Москва-то не клином сошлась: найду не хуже его.

Бальзамина. Нет, ты этого, Гавриловна, не делай. Это тебе грех будет! Ты, Миша, еще не знаешь, какие она нам благодеяния оказывает. Вот ты поговори с ней, а я пойду: признаться сказать, после бани-то отдохнуть хочется. Я полчаса, не больше.

Красавина. Да хоть и больше, так кто ж тебе запретит?

Бальзамина уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Красавина, Бальзаминов, потом Матрена.

Бальзаминов. Вот ты сердиться-то умеешь, а каково мне было тогда, как меня из дому выгнали? Вот так асаже!

Красавина. А ты еще все не забыл? Видишь, какой ты злопамятный! Ну, вот за этот-то самый афронт я и хочу тебе заслужить.

Бальзаминов. Чем же ты заслужишь?

Красавина. Невесту нашла.

Бальзаминов. Ну, уж не надо. Опять то же будет. Я сам нашел.

Красавина. Мудрено что-то! Где ж это?

Бальзаминов. Как же! так я и сказал тебе!

Красавина. Ничего у тебя не выдет.

Бальзаминов. А вот посмотрим.

Красавина. И смотреть нечего.

Входит Матрена и становится у двери, приложив руку к щеке.

Ты сам рассуди! Какую тебе невесту нужно?

Бальзаминов. Известно какую, обыкновенную.

Красавина. Нет, не облаковенную. Ты человек глупый, значит...

Бальзаминов. Как же, глупый! Ишь ты, дурака нашла!

Матрена. А что, умен?

Бальзаминов. Ты молчи, не твое дело!

Красавина. Ты послушай! ты человек глупый, значит тебе...

Бальзаминов. Да что ты все: глупый да глупый! Это для тебя я, может быть, глуп, а для других совсем нет. Давай спросим у кого-нибудь.

Красавина. Давай спросим! Да нечего и спрашивать. Ты поверь мне: я человек старый, обманывать тебя не стану.

Матрена. Какой ты, Михайло Митрич, как погляжу я на тебя, спорить здоровый! Где ж тебе с ней спорить?

Бальзаминов. Как же не спорить, когда она меня дураком называет?

Матрена. Она лучше тебя знает. Коли называет, значит, правда.

Бальзаминов. Да что вы ко мне пристали! Что вам от меня надо?

Красавина. Постой, погоди! Ты не шуми! Ты возьми терпение, выслушай! Ты глупый человек, значит, тебе умней себя искать невесту нельзя.

Матрена. Само собой.

Красавина. Значит, тебе нужно искать глупей себя. Вот такую-то я тебе теперь...

Бальзаминов (*встает*). Что ты ко мне пристаешь! Что ты ко мне пристаешь! Я тебе сказал, что я слушать тебя не хочу. А ты все с насмешками да с ругательством! Ты думаешь, я вам на смех дался? Нет, погоди еще у меня!

Красавина. Что же ты сделаешь?

Бальзаминов. Я знаю, что сделать! Ты меня не тронь! Я служащий, обидеть меня не смеешь! Я на тебя и суд найду!

Красавина. Суд? Что ты, в уме ли? А судиться – так судиться! Ты думаешь, я испугалась! Давай судиться! Подавай на меня просьбу! Я ответ найду. В какой суд на меня жаловаться пойдешь?

Бальзаминов. Это уж мое дело.

Красавина. Да ты все ли суды знаешь-то? Чай, только магистрат и знаешь? Нам с тобой будет суд особенный! Позовут на глаза – и сейчас решение.

Бальзаминов. Для меня все равно.

Красавина. Что же станешь на суде говорить? Какие во мне пороки станешь доказывать? Ты и слов-то не найдешь; а и найдешь, так складу не подберешь! А я и то скажу, и другое скажу; да слова-то наперед подберу одно к другому. Вот нас с тобой сейчас и решат: мне превелегию на листе напишут...

Бальзаминов. Какую привилегию?

Красавина. Против тебя превелегию, что я завсегда могу быть лучше тебя и во всем превозвышена; а тебя в лабет поставят.

Бальзаминов. В какой лабет? Что ты врешь!

Красавина. А еще мужчина, еще служащий, а не знаешь, что такое лабет! Где ж тебе со мной судиться!

Матрена. У! Бесстыдник!

Бальзаминов. Так что ж это вы меня со свету сжить, что ли, хотите? Сил моих не хватит! Батюшки! Ну вас к черту! (*Быстро берет фуражку*). От вас за сто верст убежишь. (*Бросается в дверь и сталкивается с Чебаковым*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Чебаков.

Чебаков. Что это вы? Что это вы, господин Бальзаминов?

Матрена. Батюшки! Он в уме повихнулся.

Бальзаминов. Ах, извините-с! Такое невежество! Вы не можете себе представить! Это ужас что такое!

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, что с вами такое?

Бальзаминов. Ничего-с! Очень вам благодарен! Конечно, с моей стороны неучтивость... Извините! Покорнейше прошу садиться!

Чебаков (*садясь*). Послушайте, Бальзаминов, вы что-то не в своей тарелке.

Бальзаминов. Да помилуйте-с, Лукьян Лукьяныч, никак невозможно! Необразование, насмешки...

Чебаков. Ну, да это в сторону! Послушайте, что же, вы исполните, что обещали или нет?

Бальзаминов. Как же можно! Непременно-с.

Чебаков. То-то же! А то ведь вы, пожалуй...

Бальзаминов. Уж ежели я что, Лукьян Лукьяныч, обещал-с...

Чебаков. Ну да, разговаривайте! Знаем мы вас. Только послушайте, Бальзаминов, вам надо башмачником одеться.

Матрена. Батюшки !

Бальзаминов. Зачем же это-с?

Чебаков. А вот я вам сейчас объясню.

Красавина. Ну, прощай, башмачник! Уж я к тебе больше не пойду; потому, мой друг, что хлеб за брюхом не ходит. (*Уходит, и Матрена за ней*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, это сваха, должно быть?

Бальзаминов. Так точно-с. Конечно, невежество...

Чебаков. Так вот что, Бальзаминов: нельзя иначе, надо непременно башмачником. А то как же вы к ним в дом войдете? А вы наденьте сертук похуже, да фуражку, вот хоть эту, которая у вас в руках, волосы растреплите, запачкайте лицо чем-нибудь и ступайте. Позвоните у ворот, вам отпрут, вы и скажите, что, мол, башмачник, барышням мерку снимать. Там уж знают, вас сейчас и проведут к барышням.

Бальзаминов. А потом что же-с?

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов! Вы чудак. Как же вы спрашиваете, что делать! Вы влюблены или нет?

Бальзаминов. Влюблен-с.

Чебаков. Так ведь надо же вам объясниться. И кстати письмо отдадите. Моей отдайте вот это письмо (*отдает письмо*), а своей откройтесь в любви, скажите, что хотите ее увезти, станьте на колени. Да вы, послушайте, не перемешайте: моя старшая, а ваша младшая; моя Анфиса, а ваша Раиса.

Бальзаминов. Помилуйте! Как можно! А вы, Лукьян Лукьяныч, уж открылись-с?

Чебаков. Давно уж...

Бальзаминов. Мы их, Лукьян Лукьяныч, скоро уве-

зем-с?

Чебаков. Как будут согласны, так и увезем.

Бальзаминов. Моя будет согласна-с, потому что она на меня так смотрит, когда мы мимо проходим, что даже уму непостижимо-с.

Чебаков. Послушайте, ну вот и прекрасно.

Бальзаминов. Только, Лукьян Лукьяныч, как бы нам не ошибиться насчет...

Чебаков. Насчет денег? Нет, господин Бальзаминов, я в этом никогда не ошибаюсь.

Бальзаминов. То вы, а то я-с.

Чебаков. Они сестры, у них поровну капитал от отца. Братья оттого не отдают их замуж, что денег жаль.

Бальзаминов. Ну, так я сейчас-с, только сертук наде-ну-с. *(Уходит)*.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Чебаков (*один*). Экой дурачина! Вот олух-то! Воображает, что в него влюбятся. А впрочем, если смотреть на жизнь с философской точки зрения, так и такие люди полезны. Кого нынче заставишь башмачником одеться! А эта штука мне может стоить полтораста тысяч. Из-за этого куша я здесь другой год живу, нарочно поблизости квартиру нанял. Только, черт их возьми, живут очень крепко! Не то что видеться, а и письмо-то передать больших трудов и издержек стоит. Если мне этот дурак поможет ее увезти, я его, голубчика, в поминанье запишу.

Входит Бальзаминов в сюртуке.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Чебаков и Бальзаминов.

Чебаков. Послушайте, вы настоящий сапожник.

Бальзаминов. Башмачник-с.

Чебаков. Только послушайте, ну, как ваше начальство узнает, что вы башмачным мастерством занимаетесь?

Бальзаминов. Да, нехорошо-с, да и от товарищей тоже-с...

Чебаков. Нет, я шучу. Помилуйте, кто же это узнает! Послушайте, я вам даже завидую. Вы будете разговаривать с любимой женщиной, а я должен страдать в одиночестве.

Бальзаминов. Да-с. А уж как я рад-с, я хоть плясать-с готов-с.

Чебаков. Именно на вашем месте плясать надобно. Послушайте, Бальзаминов, а ну как вас там высекут?

Бальзаминов. Что же это, Лукьян Лукьяныч! Я не пойду-с! Как же вы сами посылаете, а потом говорите, что высекут? На что же это похоже-с.

Чебаков. Как вы, Бальзаминов, шуток не понимаете!

Бальзаминов. Хорошо, как шутки, а, ежели, в самом деле-с?

Чебаков. Уж будьте покойны! Я бы вас не послал.

Бальзаминов. Покоен-то я покоен, а все-таки...

Чебаков. Послушайте, ну полноте! Пойдемте! Я за вами

буду сзади следить.

Бальзаминов. Пойдемте-с. (*Подходит к двери*). Матрена! Скажи маменьке, что я ушел.

Матрена (*за дверью*). Сама увидит.

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

Домна Евстигневна Белотелова , вдова лет тридцати шести, очень полная женщина, приятного лица, говорит лениво, с расстановкой.

Анфиса Панфиловна и Раиса Панфиловна Пеженовы, девицы лет под тридцать, ни хороши ни дурны, ни худы ни толсты; одеты в простых ситцевых блузах, но в огромной величины кринолинах.

Химка (Афимка), горничная девочка Пеженовых.

Бальзаминов.

Красавина.

Сцена представляет два сада, разделенные посередине забором: направо от зрителей сад Пеженовых, а налево – Белотеловой; в садах скамейки, столики и проч.; в саду Белотеловой налево две ступеньки и дверь в беседку; у забора с обеих сторон кусты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В саду на левой стороне.

Белотелова и Красавина сидят на лавочке.

Белотелова. Вот мы тут посидим, потом пойдем в беседку, там закусим, посидим. Там закуска приготовлена. Да потом опять сюда придем, посидим.

Красавина. Еще бы! Своя воля, что хотим, то и творим.

Белотелова. Что ж ты мне жениха, скоро?

Красавина. Скоро, красавица моя, скоро. Нельзя же вдруг! Ведь женихов у меня много, да всё не тот сорт. Для тебя я уж особенно займусь, хорошего тебе сыщу.

Белотелова. Сыщи хорошего.

Красавина. Уж ты будь покойна, это наших рук дело. Есть у меня один на примете, а рекомендовать боюсь.

Белотелова. А что же?

Красавина. Он бы и ничего, да дурашен, бог с ним.

Белотелова. Очень дурашен?

Красавина. Да таки порядочно. Да ты об этом деле не печалься; без мужа не останешься.

Белотелова. Ну, хорошо.

Красавина. Веришь ты, я для тебя всей душой! Коли есть женихи на дне моря, я и со дна моря для твоего удовольствия достану. Да уж и ты меня не обидь.

Белотелова. Я не обижу, я добрая.

Красавина. Кто ж этого не знает! Весь свет знает. А это я к тому говорю, красавица ты моя писаная, что от кого же нам и жить-то, бедным сиротам, как не от вас, богатых людей? Вам жить да нежиться, а нам для вас служить. Ты сиди только да придумывай, а я уж для тебя все, окромя разве птичьего молока.

Белотелова. Ничего не придумаешь.

Красавина. Леня тебе, красавица моя, а то как бы не придумать. Я бы на твоём месте, да с твоими деньгами, такое веселье завела, таких чудес бы натворила, что ни об чем бы, кроме меня, и не разговаривали.

Белотелова. А что ж бы ты сделала?

Красавина. Да вот тебе первое. Коли не хочешь ты никуда ездить, так у себя дома сделай: позови баб побольше, вели приготовить отличный обед, чтобы вина побольше разного, хорошего; позови музыку полковую: мы будем пить, а она чтоб играла. Потом все в сад, а музыка чтоб впереди, да так по всем дорожкам маршем; потом опять домой да песни, а там опять маршем. Да так чтобы три дня кряду, а начинать с утра. А ворота вели запереть, чтобы не ушел никто. Вот тебе и будет весело.

Белотелова. Весело, только хлопот много.

Красавина. А ты мне прикажи, я все хлопоты на себя возьму. Я орел на эти дела.

Белотелова. Ну, хорошо, как-нибудь сделаем.

Красавина. Да скорей бы! Хорошего дела никогда откла-

дывать не должно!

Белотелова. Не пойти ли нам в беседку?

Красавина. Погоди! Посидим здесь; хорошо на воздухе-то. Поговорим об чем-нибудь для времяпровождения.

Белотелова. Я уж не знаю, об чем говорить. Нет ли по Москве разговору какого?

Красавина. Мало ли разговору, да всему верить-то нельзя. Иногда колокол льют, так нарочно пустую молву пускают, чтоб звончее был.

Белотелова. Войны не слыхать ли?

Красавина. Войны не слыхать. Тихо везде; по всей земле замирение вышло. Земля трясется местами, об этом слух есть; местах в трех трясение было.

Белотелова. Нехорошо.

Красавина. Что хорошего! Сама знаешь, писано есть об этом. Да вот еще, для всякой осторожности, надобно тебе сказать: шайка разбойников объявилась.

Белотелова. Откуда ж они?

Красавина. Из диких лесов, говорят. Днем под Каменным мостом живут, а ночью ходят по Москве, железные когти у них надеты на руки и все на ходулях; по семи аршин ходули, а атаман в турецком платье.

Белотелова. Зачем на ходулях?

Красавина. Для скорости, ну и для страху.

Белотелова. Пойдем в беседку, посидим, закусим!

Красавина. Пойдем! Какой у тебя аппетит, дай тебе бог

здоровья, меня ижно завидки берут. Уж чего лучше на свете, коли аппетит хорош! Значит, весь человек здоров и душой покоен.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

На правой стороне.

Выходят Анфиса Панфиловна и Раиса Панфиловна.

Раиса. Тоска, Анфиса.

Анфиса. Тоска.

Раиса. Ой, батюшки, как скучно!

Молчание.

Анфиса. И нейдет и не шлет никого!

Раиса. Да кого же прислать! Ты знаешь, к нам ходу нет.

Анфиса. Он в прошлом письме писал, что придумает что-нибудь. Не послать ли Химку в лавочку: не дожидается ли он там с письмом?

Раиса. За Химкой-то уж подсматривать стали. Бабушка все ворчит на нее, должно быть, что-нибудь заметила; да старуха нянька все братцам пересказывает. Выходи, Анфиса, поскорей замуж, и я бы к тебе переехала жить: тогда своя воля; а то ведь это тоска.

Анфиса. Еще какая тоска-то! А за кого я пойду? Я лучше умру, а уж не пойду за тех женихов, что братцы сватают. Невежество-то мне и дома надоело. А мы сами немножко виноваты: тогда, как тятенька умер, уж мы много себе вольности дали.

Раиса. Вот золотое-то было времечко! Есть чем вспомнить!

Анфиса. Вот братцы-то нас и присадили. Такая тоска в этом положении.

Раиса. Хоть волком вой! Ах, тоска, Анфиса! Ах, тоска!

Анфиса. Я думала-думала, да придумала одну штуку.

Раиса. Что же ты придумала?

Анфиса (*оглядываясь*). Бежать с Лукьян Лукьянычем.

Раиса. Что ты, сестрица! Как это можно!

Анфиса. А что ж такое! Жалко, что ль, мне кого здесь? Взяла да и ушла. Конечно, пока мы здесь живем, так братья над нами власть имеют; а как из ворот, так и кончено. И деньги свои потребую, какие мне следуют.

Раиса. Это, я думаю, страшно, сестрица, когда увозят.

Анфиса. Ничего, Раиса, не страшно. Ведь уж меня увозили, ты помнишь?

Раиса. Помню. Только ты тогда скоро воротилась.

Анфиса. Ну, что старое вспоминать! Вот я теперь и жду от Лукьяна Лукьяныча письма об этом об самом. Только как он его передаст?

Раиса. Уж как-нибудь придумает.

Анфиса. Тогда тебя к себе жить возьму.

Раиса. Вот мы, Анфиса, заживем-то! По всем гуляньям, по всем дачам будем ездить. Я себе тоже военного выберу.

Анфиса. А что же этот, твой-то?

Раиса. Белобрысый-то? Ну, что за крайность! Кабы ничего лучше в предмете не было, так уж так бы и быть – от скуки.

Анфиса. Разве он тебе не нравится?

Раиса. Он мне что-то, Анфиса, гнусненок кажется.

Анфиса. Зачем же ты с ним кокетничаешь?

Раиса. От тоски. Все-таки развлечение. Ах, тоска! Ах, тоска!

Анфиса. А он, пожалуй, подумает, что ты в него влюблена.

Раиса. Пускай его думает, убытку-то мне немного.

Анфиса. Знаешь, Раиса, что я тебе говорила-то, что бежать-то с Лукьян Лукьянычем? Ведь это, может быть, очень скоро будет. Я уж, что нужно на первый раз, приготовила; хоть сейчас собратся, да и была такова.

Раиса. Вот я посмотрю, как ты убежишь, да и я, может, то же сделаю. Не умирать же тут с тоски, в самом деле!

Химка вбегает, дрожа от страха и запыхавшись.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анфиса, Раиса и Химка.

Анфиса. Что ты, Химка?

Химка. Пришел... пришел...

Анфиса. Кто пришел?

Химка. Башмачник пришел, башмачник пришел.

Анфиса. Какой башмачник?

Химка. Не знаю какой, не знаю. Батюшки, страсти! Говорит, знакомые послали, барышням мерку снимать, мерку снимать.

Раиса. Это от Лукьян Лукьяныча, должно быть?

Анфиса. Непременно. Кто ж его пустил?

Химка. Я пустила; все спят, я пустила. Ах, страсти!

Анфиса. Где же он?

Химка. У садовой калитки дожидается. Он у калитки...

Анфиса. Веди его сюда скорей, да смотри, чтоб не увидали.

Химка. Сейчас, сейчас! Батюшки! сейчас! (*Убегает*).

Раиса. Ишь, ты какой придумщик! Башмачника прислал.

Анфиса. Благородного человека сейчас видно: у него все и поступки благородные. Ну, кто придумает башмачника прислать, кроме благородного человека? Никто на свете.

Раиса. Мы этого башмачника на весь дом шить башмаки заставим, он нам и будет письма переносить.

Входят Бальзаминов и Химка.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анфиса, Раиса, Бальзаминов и Химка.

Анфиса (*тихо*). Да ведь это твой белобрысый.

Раиса. Вот сюрприз!

Анфиса. Беги, Химка, постереги у калитки: коли в доме проснутя, так ты дай знак какой-нибудь.

Химка. Сейчас! Сейчас! Вот страсти-то! (*Убегает*).

Анфиса. Однако как вы смелы!

Бальзаминов. Любовь все преодолевает-с.

Анфиса. Лукьяна Лукьяныча давно ли видели?

Бальзаминов. Даже только сейчас-с. Я от них к вам письмо имею.

Анфиса. Так давайте!

Бальзаминов (*подает письмо*). Извольте-с, Они ответ просили-с.

Анфиса отходит, распечатывает и читает.

Раиса. Вас зовут Михайло Дмитрич?

Бальзаминов. Точно так-с. Это я собственно для вас-с.

Раиса. Что для меня?

Бальзаминов. В таком виде-с.

Раиса. Покорно вас благодарю.

Анфиса. Раиса, поди сюда! Вы, господин Бальзаминов, извините, нам нужно поговорить. Вы посидите на лавочке,

подождите.

Раиса подходит к Анфисе.

Бальзаминов (*садится на лавочку у забора*). Очень хорошо-с.

Анфиса (*читает*). «У меня все готово. Докажите, что вы меня любите не на словах только, а на самом деле. Доказательств моей любви вы видели много. Для вас я бросил свет, бросил знакомство, оставил все удовольствия и развлечения и живу более года в этой дикой стороне, в которой могут жить только медведи да Бальзаминовы...»

Раиса. Ах, это правда.

Анфиса. Правда! (*Читает*). «Кажется, этого довольно. Больше я ждать не могу. Из любви к вам я решаюсь избавиться вас от неволи; теперь все зависит от вас. Если хотите, чтоб мы оба были счастливы, сегодня, когда стемнеет и ваши улягутся спать, что произойдет, вероятно, не позже девятого часа, выходите в сад. В переулке, сзади вашего сада, я буду ожидать вас с коляской. Забор вашего сада, который выходит в переулок, в одном месте плох...»

Раиса. Да, братец давно говорил об этом. На этой неделе хотят починить.

Анфиса (*читает*). «Мы разберем несколько досок, и вы будете на свободе. Мы с вами поедем верст за пятнадцать, где меня ждут мои приятели и уже все готово, даже и музыка...»

Раиса. И музыка! Ах, как это весело! А здесь-то какая

тоска!

Анфиса. Ах, Раиса! Вот что значит благородный человек! Увозит девушку, все устроил отличным манером и потом даже с музыкой! Кто, кроме благородного человека, это сделает? Никто решительно.

Раиса. Что же, Анфиса, ты поедешь?

Анфиса. Еще бы после этого да я не поехала! Это даже было бы неучтиво с моей стороны. (*Читает*). «Впрочем, может быть, вам ваша жизнь нравится и вся ваша любовь заключается в том, чтобы писать письма и заставлять обожателей во всякую погоду ходить по пятнадцати раз мимо ваших окон? В таком случае извините, что я предложил вам бежать со мной...»

Раиса. Отчего же он об нас так низко думает?

Анфиса. Я ему докажу, что я совсем не таких понятий об жизни. (*Читает*). «Конечно, очень похвально слушаться братьев, бабушек и тетюшек...»

Раиса. Анфиса, это он в насмешку!

Анфиса. Разумеется. (*Читает*). «Но зачем же губить свою молодость и отказывать себе в удовольствиях? С нетерпением жду вашего ответа. Если вы сегодня не решитесь, я завтра уезжаю на Кавказ. Целую ваши ручки. Весь ваш...»

Раиса (*заглядывая в письмо*). А это что?

Анфиса. А это Люди, Червь, значит: Лукьян Чебаков. Ну, Раиса, я пойду, напишу ему ответ, а ты тут посиди с Бальзаминовым. Ты мне после скажи, что он тебе будет говорить.

Раиса. А как же Бальзаминов выдет отсюда? Ведь его никто не видал, как он вошел!

Анфиса. Вот еще беда-то!

Раиса. Знаешь что, Анфиса: я его как-нибудь спроважу через забор.

Анфиса. Ну, хорошо. Ответ я с Хммкой пришлю. Прощайте, господин Бальзаминов! (*Уходит.*)

Раиса (*Бальзаминову*). Я сейчас к вам приду. (*Провожает Анфису*).

Бальзаминов. Ведь вот теперь надо в любви открываться, а я ничего не придумал, никаких слов не прибрал. Эка голова! Что ты будешь делать! Будь тут столб или дерево покрепче, так бы взял да и разбил ее вдребезги. Сваха-то давеча правду говорила, что я дурак. Что ж в самом деле? не стоять же столбом! На счастье буду говорить, что в голову придет: может быть, и хорошо выйдет. Вот каковы приятели! Сколько раз просил, чтобы показали, как в любви объясняться – ни один не показал. Всё из зависти, всякий для себя бережет.

Раиса возвращается.

Вот идет! Вот, что мы будем делать?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бальзаминов и Раиса.

Раиса. Извините, что мы вас заставили дожидаться!

Бальзаминов. Ничего-с! Очень приятно-с!

Молчание.

Они куда же пошли-с?

Раиса. Она пошла ответ писать.

Бальзаминов. Они скоро-с?

Раиса. Нет, она очень долго пишет. Мы скоро не умеем; для этого привычка нужна, а мы, кроме писем, ничего не пишем.

Бальзаминов. Я теперича все скучаю-с.

Раиса. И мы тоже скучаем. Такая тоска, вы не поверите!

Бальзаминов. Да вы, может быть, не оттого-с.

Раиса. Оттого, что всё сидим взаперти, не видим никаких развлечений.

Бальзаминов. А я от другого-с.

Раиса. Отчего же вы?

Бальзаминов. Я даже по ночам не сплю-с.

Раиса. Может быть, днем спите?

Бальзаминов. Нет, совсем не оттого-с.

Раиса. А отчего же?

Бальзаминов. От чувств-с.

Раиса. От каких же это чувств?

Бальзаминов. Я так чувствую себя, что я самый несчастный человек в жизни.

Раиса. Довольно странно это слышать от вас. Мужчины вообще счастливей женщин.

Бальзаминов. Но не все-с.

Раиса. У женщины несчастье заключается оттого, что она всегда подо что-нибудь подвластна.

Бальзаминов. А у мужчины несчастье заключается от любви-с.

Раиса. Значит, надобно так полагать, что вы влюблены?

Бальзаминов. Так точно-с.

Раиса. Кто же эта женщина, которая могла вас прельстить собою?

Бальзаминов. Я не смею вам этого открыть-с.

Раиса. Отчего же?

Бальзаминов. Вам, может быть, будет противно меня слушать-с.

Раиса. Нисколько не противно: даже совсем напротив.

Бальзаминов. В таком случае-с позвольте вам выразить, что эта женщина – вы самые-с и есть-с.

Раиса. Ах, скажите! Я этого никак не ожидала.

Бальзаминов. Могу я сколько-нибудь надежду иметь-с или нет-с?

Раиса. Я еще ничего не слыхала от вас.

Бальзаминов. Для моей любви нет слов-с. Я бы и желал выразить-с, но никак не могу-с.

Раиса. Говорите хотя то, что можете сказать!

Бальзаминов. Одно только я могу сказать-с, что сам себе тиран.

Раиса. Какое же в этом тиранство?

Бальзаминов. Самое жестокое тиранство-с. Ежели человек влюблен-с, и даже не спит ночи, и не знает слов-с...

Раиса. Вы давно в меня влюблены?

Бальзаминов. В четверг после обеда, на прошлой неделе.

Раиса. Так это недавно! Лукьян Лукьяныч любит Анфису полтора года.

Бальзаминов. И я могу-с... даже больше.

Раиса. Ну, это еще неизвестно. Может быть, вы непостоянный кавалер?

Бальзаминов. Я считаю это в мужчинах за низкость-с.

Раиса. Коли вы влюблены, отчего же вы мне письма не написали? Влюбленные всегда пишут письма.

Бальзаминов. Я не смел-с. А ежели вы так снисходительны, то я первым долгом почту написать вам даже нынче. А вы мне напишете на ответ-с?

Раиса. Отчего же не написать.

Бальзаминов. А ежели бежать-с, вы согласны будете?

Раиса. Уж это очень скоро.

Бальзаминов (*становится на колени*). Сделайте такое одолжение-с! Лукьян Лукьяныч тоже хотят увезти вашу сестрицу, так уж и я-с, чтобы вместе-с...

Раиса. Ну, хорошо, я подумаю. Встаньте! Ну, увидит кто-нибудь? Вон Химка бежит.

Бальзаминов встает. Вбегает Химка.

Химка (*подает Бальзамину письмо*). Вот письмо, вот письмо! Батюшки, страсти! Проснулись, все проснулись! (*Убегает.*)

Раиса. Ах, как же быть! Куда же мне вас деть? Через двор теперь нельзя.

Бальзаминов (*оглядывается по сторонам и подпрыгивает*). Что же я-с? Как же я-с? А-я-яй! А-я-яй!

Раиса. Разве через забор? Вы умеете?

Бальзаминов. Раз, два, три-с... раз, два, три – и там-с.

Раиса. Так ступайте скорей!

Бальзаминов. Сейчас-с! (*Бежит за куст и лезет на забор налево*).

Раиса. Не туда, не туда! Это в чужой сад.

Бальзаминов не слушает.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

На левой стороне.

Белотелова и Красавина выходят из беседки и останавливаются на ступенях.

Белотелова. Ты говоришь, что разбойники на ходулях ходят? Может быть, это колокол льют.

Красавина. Уж это так точно, поверь моему слову! Вот видишь – забор. Так выше этого забора у них ходули.

Бальзаминов показывается на заборе.

Белотелова. Ах! Вот они. (*Убегает в беседку*).

Сваха от испуга садится на ступеньке.

Бальзаминов (*спрыгнув с забора*). А-я-яй! Ой-ой-ой!

Раиса (*за забором*). Что с вами?

Бальзаминов. В крапиву-с.

Раиса. Ну, прощайте! (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Красавина и Бальзаминов.

Красавина. Ах ты, батюшки мои, как перепугал, окаянный! Все сердце оторвалось. Чтоб тебе пусто было!

Бальзаминов выходит из-за куста.

Ишь, тебя где луканька-то носит!

Бальзаминов. Где же это я? Вот и ты здесь!

Красавина. Я-то здесь; ты-то как попал?

Бальзаминов. Я оттуда...

Красавина. Видно, хорошо приняли, да, может, и угостили чем-нибудь? Шенпанским, что ли, чем ворота запирают? Аль собаками травили?

Бальзаминов. Ты меня выведи как-нибудь отсюда.

Красавина. Тебя-то? Скажи ты мне, варвар, что ты с нами сделал? Мы дамы тучные, долго ли до греха! Оборвется сердце – и конец. Нет, мы тебе руки свяжем да в часть тепе-рича.

Бальзаминов. Да за что же?

Красавина. А за то, что не лазий по заборам! Разве показано по заборам: вора́м доро́гу указывать? Ты у меня как хозяйку-то испугал, а? Как? Так что теперь неизвестно, жива ли она там в беседке-то! Вот что, друг ты мой!

Бальзаминов. Что же это такое? Боже мой! Несчастный я человек!

Красавина. Ты полно сиротой-то прикидываться! Ты скажи, как тебя счесть? За вора?

Бальзаминов. Да какой же я вор?

Красавина. А за что за другое, так тебе же хуже будет. Она честным манером вдовеет пятый год, теперь замуж идти хочет, и вдруг через тебя такая мараль пойдет. Она по всем правам на тебя прошение за свое бесчестье подаст. Что тебе за это будет? Знаешь ли ты? А уж ты лучше, для облегчения себя, скажи, что воровать пришел. Я тебе по дружбе советую.

Бальзаминов. Ах, боже мой! Да как же это, страм какой! Акулина Гавриловна, сделай милость, выпусти как-нибудь!

Красавина. Теперь «сделай милостью, а давеча так из дому гнать! Ты теперь весь в моей власти, понимаешь ты это? Что хочу, то с тобой и сделаю. Захочу – прощу, захочу – под уголовную подведу. Засудят тебя и зашлют, куда Макар телят не гонял.

Бальзаминов. Долго ль меня напугать? я человек робкий. Уж я тебе все, что ты хочешь, только ты не пугай меня.

Красавина (*встает*). Ну, вот что: две тысячи целковых.

Бальзаминов. Где же я возьму?

Красавина. Уж это не твое дело. Будут. Только уж ты изпод моей власти ни на шаг. Что прикажу, то и делай! Как только хозяйка выдет, говори, что влюблен. (*Показывая на забор*). Там тебе нечего взять, я ведь знаю; а здесь дело-то скорей выгорит, да и денег-то впятеро против тех.

Бальзаминов. Что же это такое? Я умру. В один день

столько перемен со мной! Это с ума сойдешь! Я тебя золотом осыплю.

Красавина. Завтра приду к тебе, условие напишем; а теперь говори одно, что влюблен. (*Заглядывает в беседку*).
Домна Евстигневна! выходи, ничего!

Белотелова выходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бальзаминов, Красавина и Белотелова.

Белотелова. Как я испугалась, думала, умру.

Красавина. Ты б выпила чего-нибудь покрепче! От испугу это хорошо.

Белотелова. Я выпила.

Красавина. Ну и ничего, и пройдет. Ты не бойся, это знакомый, он по ошибке. *(Берет Бальзаминова за руку и хочет подвести к Белотеловой).*

Бальзаминов *(тихо).* Уж очень они полны.

Красавина. Ты еще разговаривать стал! *(Подводит).* Вот тебе Михайло Дмитрич Бальзаминов. *(Бальзаминову).* Целуй ручку!

Бальзаминов целует.

Белотелова. Зачем же вы?

Бальзаминов. Влюблен-с.

Красавина. Ну да, влюблен. Так точно. Это он верно говорит. Вот и потолкуйте, а я по саду погуляю. *(Уходит за кусты).*

Белотелова. Лучше сядем.

Садятся на скамейку.

Как же это вы?

Бальзаминов. Через забор-с.

Белотелова. Отчего через забор?

Бальзаминов. От любви-с. Вы не сердитесь на меня-с?

Белотелова. Нет, я никогда не сержусь. Я добрая. Вы что делаете?

Бальзаминов. Я? ничего-с.

Белотелова. И я тоже ничего. Скучно одной-то ничего не делать, а вместе веселее.

Бальзаминов. Как же можно-с, гораздо веселее!

Белотелова (*кладет руку на плечо Бальзаминову*). Вы хотите вместе?

Бальзаминов. Даже за счастье почту-с.

Белотелова. Я очень добрая, я всему верю; так уж вы меня не обманите.

Бальзаминов. Как же это можно-с! Я за низ-кость считаю обманывать.

Белотелова. Ну, хорошо! Вы меня любите, и я вас буду...

Бальзаминов. Покорнейше благодарю-с. Пожалуйста ручку поцеловать!

Белотелова. Натe! (*Дает руку*). А то подвиньтесь поближе: я вас так... (*Бальзаминов подвигается, она его целует*).

Сваха выходит из-за кустов.

Красавина. Ну, вот и прекрасно! Значит, делу конец!

Белотелова (*встает*). Пойдемте в беседку.

Бальзаминов (*Красавиной*). Мне бы домой-с.

Красавина. Мы лучше его отпустим. Ты ступай! Поцелуй ручку и ступай! Так прямо, из калитки в ворота, никто

тебя не тронет.

Бальзаминов (*целует руку у Белотеловой*). Прощайте-с.

Белотелова. До свидания.

Красавина. До завтра, до завтра.

Бальзаминов уходит.

А мы вот с тобой потолкуем. Ну, как тебе?

Белотелова. Он мне понравился. Ты мне его!

Красавина. Ну, его так его. Все это в наших руках. Вот у нас теперь и пированье пойдет, дым коромыслом. А там и вовсе свадьба.

Белотелова. Свадьба долго; а он чтоб и прежде каждый день... ко мне...

Красавина. Стоит об этом толковать. Что ж ему делать-то! Так же бегают. А уж теперь пушай тут с утра до ночи.

Белотелова (*смеется*). Вот мне теперь гораздо веселей.

Красавина (*смеется*). Ах ты, красавица моя писаная! Ишь, ты, развеселилась! Вот я тебя чем утешила. Еще ты погоди, какое у нас веселье будет!

Смеются обе.

Пойдем в беседку, я тебя проздравлю, как следует.

Уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ЛИЦА:

Бальзаминава.

Бальзаминов.

Чебаков.

Красавина.

Матрена.

Комната у Бальзаминовых та же, что и в первой картине.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзамина (*одна*). Ах, как я долго проспала! Уж смеркается. В голове так тяжело, и сны всё такие снились страшные. Все Мишу во сне видела. Уж, разумеется, о чем думаешь, то и во сне видишь. Где-то он теперь? А что-нибудь либо делается с ним, либо делается необыкновенное. Сна-то никак не распутаю; уж очень много видела-то я. Чего-чего не было! Я отроду таких снов не видела. Вот кабы умного человека найти, сейчас бы и посоветовалась, а одной не разобрать. Вот разве как вдвоем с Матреной не разберем ли. Ум хорошо, говорят, а два лучше. Простая она женщина-то, необразованная совсем; пожалуй, что в снах-то понятия-то большого не имеет. Ведь простой человек спит крепко, а если что и видит, так ему все равно, у него на это понятия нет. Матрена!

Входит Матрена.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзамина и Матрена.

Бальзамина. Ты, Матрена, умеешь сны разбирать?

Матрена. Да что их разбирать-то! Мало ли что снится!

Бальзамина. Конечно, не всякий сон к чему-нибудь; бывают сны и пустые, так, к погоде. А вот ты заметь, коли чему быть, так непременно прежде сон увидишь.

Матрена. Да чему быть-то! Быть-то нечему!

Бальзамина. Разные перевороты могут быть с человеком: один из богатства в бедность приходит, а другой из бедности в богатство.

Матрена. Не видать что-то этих переворотов-то: богатый богатым так и живет, а бедный, как ни переворачивай его, все бедный.

Бальзамина. Как ты глупо рассуждаешь! Разве не бывает, что на дороге находят значительные суммы? Ну, вот Миша жениться может на богатой: вот богат и будет.

Матрена. Оно точно, что говорить! Чем черт не шутит! Только уж на редкость это дело будет, как наш да на богатой женится!

Бальзамина. Разумеется, на редкость. А все-таки может случиться; такие ли еще дела бывают.

Матрена. Что говорить! Всяко случается. На грех-то, говорят, и из палки выстрелишь.

Бальзаминава. Ну, вот видишь ли! Значит, что ж мудреного, что Миша женится на богатой? Вот в этаком-то случае сон-то и много значит, когда ждешь-то чего-нибудь. Такой уж я, Матрена, сон видела, такой странный, что и не знаю, чему приписать! Вижу: будто я на гулянье, что ли, только народу, народу видимо-невидимо.

Матрена. Это к снегу, говорят.

Бальзаминава. К какому же снегу! Что ты, в уме ли! В августе-то месяце!

Матрена. Ну, так к дождю.

Бальзаминава. Да и не к дождю.

Матрена. Ну, а коли не к дождю, уж я больше не умею сказать, к чему это.

Бальзаминава. Не умеешь, так и молчи, а то ты только перебиваешь. Я уж и так половину перезабыла; уж очень много со мной во сне приключений-то было. Только тут ли, после ли, вдруг я вижу корабль. Или нет, корабль после.

Матрена. Уплывет что-нибудь.

Бальзаминава. Погоди! Сначала я вижу мост, и на мосту сидят всё бабы с грибами и с ягодами...

Матрена. Мост – это с квартиры съезжать на другую.

Бальзаминава. Постой, не перебивай ты меня! Только за мостом – вот чудеса-то! – будто Китай. И Китай этот не земля, не город, а будто дом такой хороший, и написано на нем: «Китай». Только из этого Китая выходят не китайцы и не китайки, а выходит Миша и говорит: «Маменька, подите

сюда, в Китай!» Вот будто я собираюсь к нему идти, а народ сзади меня кричит: «Не ходи к нему, он обманывает: Китай не там, Китай на нашей стороне». Я обернулась назад, вижу, что Китай на нашей стороне, точно такой же, да еще не один. А Миша будто такой веселый, пляшет и поет: «Я поеду во Китай-город гулять!»

Матрена. Ну, уж это, вот режь ты меня сейчас на части, ни за что не пойму, к чему приписать!

Бальзаминава. Где тут понять! Да это что! Много я еще чудес-то видела, и все-то Миша в глазах, все-то Миша.

Матрена. Все сокрушаешься об нем, об его малом разуме, вот и видишь.

Бальзаминава. То он пляшет, то догоняет кого-то, то за ним кто-то гонится. То пропадет куда-то, то вдруг явится.

Матрена. Да это и наяву все так же: то пропадет, то явится. Вот давеча пропал, а теперь, гляди, явится. Хоть бы его в суде за дело за какое присадили: поменьше бы слонялся, слоны-то продавал.

Бальзаминава. Какое уж ему дело давать, по его ли разуму?

Матрена. Да вот он, на помине-то легок.

Входит Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Бальзаминов.

Бальзаминов (*садится*). Ну, маменька, кончено.

Бальзаминова. Значит, благополучно?

Бальзаминов. Еще как благополучно-то! Так, маменька, что я думаю, что не переживу от радости. Теперь, маменька, и дрожки беговые, и лошадь серая, и все... Ух, устал!

Бальзаминова. А какой я без тебя сон видела!

Бальзаминов. Что сон! Со мной наяву то было, что никому ни в жизнь не приснится. У своей был... и у той был, что сваха-то говорила, у Белотеловой, я фамилию на воротах прочел, как выходил оттуда; а туда через забор...

Матрена. Ишь, ты, нелегкая-то тебя носит!

Бальзаминов. Молчи ты! Ты еще не знаешь, с кем ты теперь говоришь! Маменька, вот они, мечты-то мои! Ан вот правда выходит. Ух, дух не переведу!

Бальзаминова. Что, богато она живет?

Бальзаминов. Богато. Дом, лошади, сад, деньги, все...

Бальзаминова. Значит, правду сваха-то говорила, что денег счету нет?

Бальзаминов. Правду.

Бальзаминова. Ну что ж ты?

Бальзаминов. Женюсь.

Бальзаминова. На ком?

Бальзаминов. На обеих.

Матрена. Что ты татарин, что ли! Очувствуйся хоть малость!

Бальзаминова. Что это ты, Миша, право! Обрадуешься, так уж себя не помнишь! Говоришь такие слова, что ни на что не похоже.

Бальзаминов. Погодите, постойте! А то я помешаюсь в мыслях. Этакое счастье и вдруг, в один день...

Матрена. Не было ни гроша, да вдруг алтын!

Бальзаминов. Да замолчи ты! Я, маменька, себе человека найму, камердинера; а Матрену прочь... за грубость.

Матрена. И давно бы ты нанял. (*Уходит*).

Бальзаминова. Ну, а эта, как ее, Пеженова, что ли? У нее сколько?

Бальзаминов. Полтораста тысяч.

Бальзаминова. У этой много поменьше, чем у той.

Бальзаминов. Зато эта, маменька, помоложе, а та постарше, ну, так у ней побольше.

Бальзаминова. И согласна она за тебя замуж идти, Пеженова-то?

Бальзаминов. Обе согласны. Только одна, чтоб увезти; а другая так дома. Не отдохну никак.

Бальзаминова. Ну, как же ты?

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите! Вот он сад-то я нынче во сне-то видел! Я в двух садах был.

Бальзаминова. А я, Миша, Китай видела. Уж не знаю,

к чему?

Бальзаминов. У Белотеловой лавка в Китай-городе, вот и весь ваш сон.

Бальзаминова. И то, правда.

Бальзаминов (*быстро встает*). Что же это такое! Боже мой! Представьте, маменька...

Бальзаминова. Да ты посиди, отдохни.

Бальзаминов. Ах, маменька, не мешайте! Представьте, маменька, я, бедный молодой человек, хожу себе по улице, и вдруг что же? И вдруг теперь поеду в коляске! И знаете, что мне в голову пришло? Может быть, за Пеженовой сад отдадут в приданое: тогда можно будет забор-то разгородить, сады-то у них рядом, и сделать один сад. Разных беседок и аллей...

Бальзаминова. Да ты, никак, в самом деле, на обеих хочешь жениться?

Бальзаминов. Вот вы меня, маменька, всегда останавливаете! Никогда не дадите помечтать. Что ж такое! я этим никому вреда не делаю. Коли нельзя жениться на обеих, я бы хоть помечтал по крайней мере, а вы меня расстроили.

Бальзаминова. Ну, мечтай, бог с тобой!

Бальзаминов (*задумывается. Молчание*). Нет, маменька, сам чувствую, что начинает все путаться в голове, так даже страшно делается. Планов-то много, а обдумать не могу. Сейчас я думал об доме, ну и представился мне в уме дом, большой, каменный, и львы на воротах; только лев будто и

разевает рот, каменный-то, да и залаял, а я об этом и думать не хотел, обо льве-то. Хочу его из головы-то выкинуть, никак нейдет. А отчего это? Оттого, что я не привык думать, как богатые люди думают; все думал так, как бедные думают; вот оно теперь богатство-то в голове и не помещается. А вот привыкну, так ничего.

Бальзамина. Что мудреного, что не помещается! Этакая пропасть! Иной раз и о пустяках думаешь, да ум за разум заходит; а тут, с такими деньгами – просто беда!

Бальзамино (*задумавшись*). Если башню выстроить, большую, чтобы всю Москву видно было! Можно будет там и голубей держать...

Бальзамина. Оставь, Миша! Не думай, хуже будет!

Бальзамино. Само думается, маменька. Правду говорят, маменька, что с состоянием-то много заботы бывает.

Бальзамина. А ты давай-ка лучше поговорим об чем-нибудь другом! А то, сохрани господи, долго ли до греха, пожалуй, совсем свихнешься.

Бальзамино. Извольте, маменька! Другой бы сын, получивши такое богатство-то, с матерью и говорить не захотел; а я, маменька, с вами об чем угодно, я гордости не имею против вас. Нужды нет, что я богат, а я к вам с почтением. И пусть все это знают. С другими я разговаривать не стану, а с вами навсегда. Вот я какой! (*Садится*).

Бальзамина. Еще бы! А которая лучше лицом-то из них?

Бальзаминов. Мне, маменька, все богатые невесты красавицами кажутся; я уж тут лица никак не разберу.

Бальзаминова. Что же ты мне не расскажешь, как у вас дело-то было?

Бальзаминов. До того ли мне, маменька, помилуйте! Вот Красавина придет, расскажет. *(Задумывается)*. У меня теперь в голове, маменька, лошади, экипажи, а главное – одежда чтобы к лицу.

Бальзаминова. Брось, Миша, брось, не думай! Право, я боюсь, что ты с ума сойдешь. Да что же это мы в потемках-то сидим! Ишь, как смерклось. Пойду, велю огня зажечь.

Бальзаминов. Погодите, маменька! Не нужно огня, в потемках лучше.

Бальзаминова. Ну что хорошего впотьмах сидеть?

Бальзаминов. Впотьмах, маменька, мечтать лучше. Оно можно и при огне, только надобно зажмуриться, а в потемках можно и так, с открытыми глазами. Я теперь могу себя представить как угодно. И в зале могу себя представить в отличной, и в карете, и в саду; а принесите вы свечку, я сейчас увижу, что я в самой бедной комнате, мебель скверная, ну и все пропало. Да и на себя-то взгляну – совсем не тот, какой я в мечтах-то.

Бальзаминова. Какой же ты?

Бальзаминов. В мечтах я себя представляю, маменька, что я высокого роста, полный и брюнет.

Бальзаминова. Разумеется, лучше.

Бальзаминов. Вот смотрите, маменька; вот я вам буду сказывать, что мне представляется. Вот будто я сижу в зале у окошка, в бархатном халате; вдруг подходит жена...

Бальзаминова. Ну, а потом что ж?

Бальзаминов. «Поедем, говорит, душенька, на гулянье!»

Бальзаминова. Отчего ж не ехать, коли погода хорошая?

Бальзаминов. Отличная, маменька, погода. Я говорю: «Поди, душенька, одеваться, и я сейчас оденусь». – «Человек!» Приходит человек. «Одеваться, говорю, давай, и приготовь голубой плащ на бархатной подкладке!» Вот не нравится мне, маменька, у него улыбка-то какая противная. Как точно он смеется надо мной.

Бальзаминова. Уж с этим народом беда!

Бальзаминов. Вот и грубит. Ну, я этого прогоню, я себе другого возьму. *(Что-то шепчет про себя).*

Бальзаминова. Что ж ты замолчал?

Бальзаминов. Это мы, маменька, с женой разговариваем и целуемся. Вот, маменька, садимся мы с женой в коляску, я взял с собой денег пятьдесят тысяч.

Бальзаминова. Зачем так много?

Бальзаминов. Как знать, может быть, понадобятся!

Бальзаминова. Ты бы лучше дома оставил.

Бальзаминов. Еще украдут, пожалуй. Вот едем мы дорогой, все нам кланяются. Приезжаем в Эрмитаж, и там все кланяются; я держу себя гордо. *(В испуге вскакивает и ходит в волнении).* Вот гадость-то! Ведь деньги-то у меня, пятьде-

сят-то тысяч, которые я взял, пропали.

Бальзаминава. Как пропали?

Бальзаминов. Так и пропали. Должно быть, вытащил кто-нибудь.

Бальзаминава. А ты не бери с собой!

Бальзаминов. В самом деле, не возьму. Все равно и дома украдут. Куда ж бы их деть? В саду спрятать, в беседке под диван? Найдут. Отдать кому-нибудь на сбережение, пока мы на гулянье-то ездим? Пожалуй, зажилит, не отдаст после. Нет, лучше об деньгах не думать, а то беспокойно очень; об чем ни задумаешь, всё они мешают. Так я без денег будто гуляю.

Бальзаминава. Гораздо покойнее.

Бальзаминов. Вот, маменька, выхожу я из саду, жандарм кричит: «Коляску Бальзаминову!»

Входит Чебаков.

А я будто, маменька, генерал...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, это вы-то генерал?

Бальзаминова. Ах, батюшка, извините! Мы и не видали, как вы вошли.

Бальзаминов. Ах, я и не знал, что вы здесь-с. Я так, по-домашнему, с маменькой-с... а то я при вас бы не стал таких глупостей говорить-с! Впрочем, что ж такое, в сумерках отчего ж и не заняться иногда, не помечтать-с?

Чебаков. Уж вы бы лучше об чем-нибудь другом, а не об генеральстве.

Бальзаминов. Нет, отчего же, в сумерках-с...

Чебаков. Да и в сумерках нельзя. Нет, вы бросьте это занятие!

Бальзаминова. Что же это мы в потемках-то сидим! Извините, батюшка! я сейчас пойду огня принесу.

Чебаков. Послушайте, не беспокойтесь, мы и так друг друга знаем.

Бальзаминова. Все-таки лучше, пристойнее. (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, ваше превосходительство, нам надо будет отправиться.

Бальзаминов. Куда же-с?

Чебаков. Всё туда же. Нас там ждут.

Бальзаминов. Зачем же это они нас ждут-с? Ведь я вам письмо принес; а завтра можно опять-с.

Чебаков. Вот в письме-то и написано, чтоб мы приходили сегодня.

Бальзаминов. И я-с?

Чебаков. И вы.

Бальзаминов. Что же мы там делать будем-с?

Чебаков. Вам хочется знать? Ну, уж этого я вам не скажу. Вот пойдете, так сами увидите.

Бальзаминов. А я-то что ж буду делать-с? Ведь уж я теперь в любви объяснился; уж после этого что мне делать, я не знаю-с.

Чебаков. Я вас научу.

Бальзаминов. Вот вы давеча говорили – увезти, а я вас, Лукьян Лукьяныч, и забыл спросить: куда же это их увозят-с?

Чебаков. Куда хотите.

Бальзаминов. А на чем же я увезу-с?

Чебаков. Послушайте, я вас этому всему научу, только пойдете.

Бальзаминов. Я сейчас-с. (*Берет фуражку*).

Входит Бальзаминова.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Бальзаминова.

Бальзаминова. Куда же это ты, Миша?

Бальзаминов. К Пеженовым-с.

Бальзаминова. Разве уж ты решился?

Бальзаминов. Нет, маменька, как можно решиться! Да вот Лукьян Лукьяныч говорит, что надо идти.

Чебаков. Послушайте, разумеется, надо.

Бальзаминов. Вот видите, маменька! А решиться я не решился-с. Потому, извольте рассудить, маменька, дело-то какое выходит: ежели я решусь жениться на одной-с, ведь я другую должен упустить. На которой ни решишь – все другую должен упустить. А ведь это какая жалость-то! Отказаться от невесты с таким состоянием! Да еще самому отказаться-то.

Чебаков. Послушайте, вы скоро?

Бальзаминов. Сейчас-с.

Бальзаминова. Так зачем же ты идешь?

Бальзаминов. Ну, уж, маменька, что будет то будет, а мне от своего счастья бегать нельзя. Все сделано отлично, так чтоб теперь не испортить. Прощайте.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бальзаминава и потом Матрена.

Бальзаминава. Такие мудреные дела делаются, что и не разберешь ничего! Теперь одно только и нужно: хорошую ворожею найти. Так нужно, так нужно, что, кажется, готова последнее отдать, только бы поговорить с ней. Что без ворожеи сделаешь? И будешь ходить как впотьмах. Почему мы знаем с Мишей, которую теперь невесту выбрать? Почему мы знаем, где Мишу счастье ожидает в будущем? С одной может быть счастье, а с другой – несчастье; опять же и дом: иной счастлив, а другой нет; в одном всё ко двору, а в другом ничего не держится. А какой – нам неизвестно. Как же это так наобум решиться! Солидные-то люди, которые себе добра-то желают, за всякой малостью ездят к Ивану Яковличу, в сумасшедший дом, спрашиваться; а мы такое важное дело да без совета сделаем! Уж что не порядок, так не порядок. Нет ли тут поблизости хоть какой-нибудь дешевенькой? Она хоть и не так явственно скажет, как дорогая ворожея, а все-таки что-нибудь понять можно будет. Матрена!

Входит Матрена.

Нет ли у нас тут где недалеко ворожеи какой-нибудь?

Матрена. Какой ворожеи?

Бальзаминава. Гадалки какой-нибудь.

Матрена. Вам про что спрашивать-то?

Бальзаминава. Об жизни, об счастье, обо всем.

Матрена. Таких нет здесь.

Бальзаминава. А какие же есть?

Матрена. Вот тут есть одна: об пропаже гадает. Коли что пропадет у кого, так сказывает. Да и то по именам не называет, а больше всё обиняком. Спросят у нее: «Кто, мол, украл?» А она поворожит, да и скажет: «Думай, говорит, на черного или на рябого». Больше от нее и слов нет. Да и то, говорят, от старости, что ли, все врет больше.

Бальзаминава. Ну, мне такой не надо.

Матрена. А другой негде взять.

Бальзаминава. Вот какая у нас сторона! Уж самого необходимого, и то не скоро найдешь! На картах кто не гадает ли, не слыхала ль ты?

Матрена. Есть тут одна, гадает, да ее теперича увезли.

Бальзаминава. Куда увезли?

Матрена. Гадать увезли, далеко, верст за шестьдесят, говорят. Барыня какая-то нарочно за ней лошадей присылала. Лакей сказывал, который приезжал-то, что барыня эта расстроилась с барином.

Бальзаминава. С мужем?

Матрена. Нет, оно выходит, что не с мужем, а так у ней, посторонний. Так повезли гадать, когда помирятся. А больше тут никаких нет.

Бальзаминава. Ты не знаешь, а то, чай, как не быть. Такая ты незанимательная женщина: ни к чему у тебя любо-

пытства нет.

Матрена. А на что мне? Мне ворожить не об чем: гор золотых я ниоткуда не ожидаю. И без ворожбы как-нибудь век-то проживу.

Бальзаминова. Загадаю сама, как умею. (*Достает карты и гадает*). Вот что, Матрена: теперь, гляди, сваха зайдет, так поставь-ка закусочки какой-нибудь в шкаф.

Матрена приносит закуску и уходит. Входит Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бальзамина и Бальзамина.

Бальзамина. Что ты так скоро?

Бальзамина (*садится*). Кончено, маменька! Таким дураком меня поставили, что легче бы, кажется, сквозь землю провалиться.

Бальзамина. Да каким же это манером? Расскажи ты мне.

Бальзамина. Очень просто. Приходим мы с Лукьян Лукьянычем к ихнему саду, гляжу – уж и коляска тут стоит. Только Лукьян Лукьяныч и говорит мне: «Ну, господин Бальзамина, теперь наше дело к концу подходит». Так у меня мурашки по сердцу и пошли! «Давайте, говорит, теперь за работу, забор разбирать». Так я, маменька, старался, даже вспотел! Вот мы три доски сняли, а те уж тут дожидаются. Вот он старшую, Анфису, берет за руку: «Садитесь, говорит, в коляску». Потом, маменька, начинают все целоваться: то сестры промежду себя поцелуются, то он и ту поцелует, и другую. Что мне тут делать, маменька, сами посудите? Как будто мне и неловко, и точно как завидно, и словно что за сердце сосет... уж я не знаю, как вам сказать. Я сейчас в ревность.

Бальзамина. Ты это нарочно?

Бальзамина. Само собой, что нарочно. Надо же себя

поддержать против них. Я, маменька, хотел показать Раисе-то, что я в нее влюблен. Я и говорю Лукьян Лукьянычу: «Какое вы имеете право целовать Раису Панфиловну?» Они как захохочут все. Я, маменька, не обращаю на это внимания и говорю Раисе Панфиловне: «Когда же, говорю, мы с вами бежать будем?» А она, маменька, вообразите, говорит мне: «С чего вы это выдумали?» А сама целуется с сестрой и плачет. Потом Лукьян Лукьяныч сели в коляску с Анфисой и уехали. А Раиса, маменька, прямехонько мне так и отпечата-ла: «Подите вы от меня прочь, вы мне надоели до смерти», — да, подобравши свой кринолин, бегом домой. Что ж мне де-лать? Я и воротился.

Бальзаминава. Это оттого, Миша, что ты все от меня скрываешь, никогда со мной не посоветуешься. Расскажи ты мне, как у вас это дело было с самого начала.

Бальзаминов. Порядок, маменька, обыкновенный. Узнал я, что в доме есть богатые невесты, и начал ходить мимо. Они смотрят да улыбаются, а я из себя влюбленного представляю. Только один раз мы встречаемся с Лукьян Лукьянычем (*я еще его не знал тогда*), он и говорит: «За кем вы здесь волочитесь?» Я говорю: «Я за старшей». А и ска-зал-то так, наобум. «Влюбитесь, говорит, в младшую, лучше будет». Что ж, маменька, разве мне не все равно?

Бальзаминава. Разумеется!

Бальзаминов. Я и влюбился в младшую. «Я, говорит, вам помогать буду, потом мы их вместе увезем». Я на него

понадеялся, а вот что вышло! Вот, маменька, какое мое счастье-то!

Бальзаминава. Как же ты, Миша, не подумал, куда ты увезешь невесту и на чем? Ведь для этого деньги нужны.

Бальзаминов. Я, маменька, на Лукьян Лукьяныча надеялся.

Бальзаминава. Очень ему нужно путаться в чужие дела! Всякий сам о себе хлопочет.

Бальзаминов. А впрочем, маменька, коли правду сказать, я точно в тумане был; мне все казалось, что коли она меня полюбит и согласится бежать со мной, вдруг сама собой явится коляска; я ее привезу в дом к нам...

Бальзаминава. На эту квартиру-то?

Бальзаминов. Вы не поверите, маменька, как, бывало, начну думать, что увожу ее, так мне и представляется, что у нас дом свой, каменный, на Тверской.

Бальзаминава. Жаль мне тебя, Миша! Совсем еще ты дитя глупое.

Бальзаминов. Уж очень мне, маменька, разбогатеть-то хочется.

Бальзаминава. Ничего-то ты в жизни не сделаешь!

Бальзаминов. Отчего же, маменька?

Бальзаминава. Оттого что не умеешь ты ни за какое дело взяться. Все у тебя выходит не так, как у людей.

Бальзаминов. Нет, маменька, не оттого, что умения нет, а оттого, что счастья нет мне ни в чем. Будь счастье, так все

бы было, и коляска, и деньги. И с другой невестой то же будет: вот посмотрите. Придет сваха, да такую весточку скажет, что на ногах не устоишь.

Красавина входит.

Да вот она! Вот она!

Бальзаминов и Бальэаминова встают.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Красавина.

Бальзамина. Чем, матушка, обрадуете? Мы тут без вас завяли совсем.

Бальзамино (*Красавиной*). Погоди, не говори! я зажмурюсь, все легче будет.

Красавина. Ох, далеко я ехала, насилу доехала. (*Садится.*)

Бальзамина. Откуда ж это, матушка?

Красавина. Отсюда не видать.

Бальзамино. Погодите, маменька, погодите!

Красавина. Ехала селами, городами, темными лесами, частыми кустами, быстрыми реками, крутыми берегами; горлышко пересохло, язык призамялся.

Бальзамино. Хлопочите, маменька ! Хлопочите скорей!

Бальзамина достает из шкафа водку и закуску и ставит на стол.

Вот, пей, да и говори уж что-нибудь одно.

Бальзамина (*наливает рюмку*). Кушайте на здоровье!

Красавина. Выпью, куда торопиться-то.

Бальзамино. Ну, ну, поскорее! А то я умру сейчас, уж у меня под сердце начинает подступать.

Красавина. Ишь, ты какой скорый! Куда нам торопиться-то! Над нами не каплет.

Бальзаминов. Что ж она не говорит! Маменька, что она не говорит? Батюшки, умираю! Чувствую, что умираю! (*Садится*).

Красавина. Не умрешь! А и умрешь, так и опять встанешь. (*Берет рюмку*). Ну, честь имею поздравить! (*Пьет*).

Бальзаминова. С чем, матушка, с чем?

Красавина. Как с чем! А вот стрелец-то твой подстрелил лебедь белую.

Бальзаминова. Неужли, матушка, вправду? Слышишь, Миша?

Бальзаминов. Говорите что хотите, я умер,

Красавина. Много он маху давал, а теперь попал – под самое под правое крылышко.

Бальзаминова. В последнее-то время, знаете ли, много с нами таких несчастных оборотов было, так уж мы стали очень сумнительны.

Красавина. Да что тут сумлеваться-то! Хоть завтра же свадьба! Так он ей понравился, что говорит: «Сейчас подавай его сюда!» Ну, сейчас, говорю, нехорошо, а завтра я тебе его предоставляю. «А чтоб он не сумлевался, так вот снеси ему, говорит, часы золотые!» Вот они! Отличные, после мужа остались. Ну, что, ожил теперь?

Бальзаминов (*вскакивает*). Ожил! Ожил! Давай их сюда! (*Берет часы*.) Что ж это, маменька, я вас спрашиваю?

Бальзаминава. Это тебе за долгое твоё терпенье счастье выходит.

Красавина. А ты помнишь наш уговор? Ты на радостях-то не забудь!

Бальзаминов. Ты просила две?

Красавина. Две.

Бальзаминов. Ну, так вот ты знай же, какой я человек! Маменька, смотрите, какой я человек! Я тебе ещё пятьдесят рублей прибавлю.

Красавина. Ишь, ты, расщедрился! Ну, да уж нечего с тобой делать, и то деньги.

Бальзаминов. Маменька, уж вы теперь смотрите за мной, как бы со мной чего не сделалось. Батюшки мои! Батюшки мои! (*Прыгает от радости*). Я теперь точно новый человек стал. Маменька, я теперь не Бальзаминов, а кто-нибудь другой!

Красавина. Давай пляску сочиним на радости!

Бальзаминов. Давай! А вы, маменька, говорили, что я сделать ничего не умею! А ты говорила, что я дурак!

Красавина. Я, брат, и теперь от своих слов не отступлюсь.

Бальзаминава. А ты, Миша, не обижайся! Пословица-то говорит, что «дуракам счастье». Ну, вот нам счастье и вышло. За умом не гонись, лишь бы счастье было. С деньгами-то мы и без ума проживем.

Бальзаминов. Ещё бы! На что мне теперь ум? А давеча,

маменька, обидно было, как денег-то нет, да и ума-то нет, говорят, А теперь пускай говорят, что дурак: мне все одно.

Красавина. А то вот еще есть пословица. Ты долго за невестами ходил?

Бальзаминов. Долго.

Красавина. А пословица-то говорит: «За чем пойдешь, то и найдешь».

Бальзаминова. И то, матушка, правда.

Бальзаминов (*Красавиной*). Ну, давай плясать! Становись!

Сваха становится в позу.